УДК 314.15(=161.1)(497.1)"1918/1941"

Др Владимир ПУТЯТИН

АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КОРОЛЕВСТВЕ СХС

АПСТРАКТ: *В работе сделана попытка анализа степени и направления адаптации русской эмиграции в Королевстве СХС.*

Кључне речи: *Сербско-русские связи, российскя эмиграция, культурная политика, национальные меньшинства в Королевстве СХС*

История переселения российской эмиграции в Королевство СХС была сравнительно детально изучена еще в 90-ых годах прошлого столетия,[1] однако процесс ее адаптации представляет интереснейшую страницу истории русско-сербских взаимоотношений. В Королевство СХС российские эмигранты влились тремя последовательными волнами – главным образом, с Юга России. Первая волна – в апреле 1919 г., после французской эвакуации Одессы и ближайшего района. Вторая – в марте 1920 г., после сдачи Новороссийска. И, наконец, третья волна и при этом самая большая – осенью 1920 г. после, оставления войсками Врангеля Крыма. Количество российских эмигрантов, прибывших

[1] Тесемников В. А., „Российская эмиграция в Югославии (1919–1945)", *Вопросы истории,* 10/1982; Ђурић О., *Руска литерарна Србија 1920–1941. Писци, кружоци, издања*, Горњи Милановац – Београд, 1990; Писарев Ю. А., „Российская эмиграция в Югославии", *Новая и новейшая история,* 1/1991; Косик В. И., „Русская Югославия. Фрагменты истории 1919–1944", *Славяноведение*, 4/1992; *Руска емиграција у српској култури XX века,* зборник радова, I–II, Београд, 1994; *Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения),* Москва: Геттинген, 1994; *Россия в изгнании: судьбы российских эмигрантов за рубежом*, Москва, 1994; Е. Д. Бондарева, „Сейчас вы для меня еще дороже", *Родина, 10/1996*; Козлитин В. Д., *Русская и украинская эмиграция в Югославии. 1919–1945 гг.*, Харьков, 1996; Јовановић М., *Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924*, Београд, 1996; *Русская эмиграция в Югославии*, Москва, 1996; Арсеньев А., *У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду*, Москва, 1999.

в Королевство СХС, различные источники определяют по-разному. Доктор А. А. Солонский в «Записках русского научного института в Белграде» ссылается на данные профессора Д. Иванцова – начальника статистического отделения Державной комиссии по устройству русских беженцев. По этим данным, в 1921 г. русских эмигрантов, обосновавшихся в Королевстве СХС было 28895 человек, из них в возрасте до 15 лет – 3267, от 15 до 59 лет – 24885, от 60 и старше – 742.[2] По данным современного сербского историка М. Йовановича, в 1922 г. в Королевстве СХС насчитывалось 42500 российских беженцев, что было максимальным количеством в 20–30-х гг.[3] Приблизительно этим количеством эмигрантов оперировало югославское правительство.[4]

Следует отметить, что въезд российских эмигрантов в Королевство СХС, в отличие от представителей других стран, не был стеснен различного рода квотами, визами, паспортами. Это также объясняет относительную многочисленность русских и их совершенно различный социальный состав в Югославии в 20–30-е гг. XX в., в отличие, скажем, от Чехословакии, в которой приемом эмигрантов занималось Министерство иностранных дел во главе с Э. Бенешем, предпочитавшее сосредотачивать у себя лишь их определенные категории.[5] Более того, в Королевстве СХС было создано две эмигрантские организации, значительно облегчившие нахождение эмигрантов в стране: дипломатическое представительство Российской империи в Белграде во главе с В. Н. Штрандтманом, преобразованное позднее в Делегацию по защите интересов русских беженцев[6] и канцелярия главноуполномоченного (с 1 мая 1920 г. – правительственного уполномоченного) по устройству российских беженцев в Королевстве СХС С. Н. Палеолога.[7] Деятельность этого учреждения пересекалась с компетенцией как Державной комиссии, так и дипломатической миссии. С. Н. Палеолог состоял членом Державной комиссии и с В.

---

[2] Солонский А. А., „Демография русской эмиграции в Белграде", *Зап. Русского научного института,* № 10, Белград, 1935.

[3] Јовановић М., *Досељавање руских избеглица у Краљевину,* Београд, 1996, стр. 163–186.

[4] Стојановић Г., „Међународни избеглички проблем", *XX век,* № 9, Београд, 1938, стр. 578.

[5] Серапионова Е. П., „Т. Г. Масарик и российские эмигранты в ЧСР", *Т. Г. Масарик и „Русская акция" Чехословацкого правительства,* Москва, 2005, стр. 65.

[6] *Политика,* 1924, 6 марта. Ипполитов С. С. ошибочно указывает 1917 г., как год образования Делегации (Ипполитов С. С., *Российская эмиграция и Европа: Несостоявшийся альянс,* Москва, 2004, стр. 170).

[7] Цит. По: Козлитин В. Д., „Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923)", *Славяноведение*, № 4, 1992, стр. 8.

Н. Штрандтманом находился в соперничестве, которое усиливалось взаимной личной неприязнью.[8]

Буквально вслед за учреждением должности главноуполномоченного, правительством Королевства СХС 24 января 1920 г. был создан Государственный комитет по приему и устройству российских беженцев, который должен был проводить государственную политику по отношению к последним.[9] В ноябре 1921 г. комитет был преобразован в Державную (Государственную) комиссию по делам российских беженцев, к которой перешли все его функции. В состав Державной комиссии входили высшие представители сербского правительства и двое русских.[10] Ее первым председателем стал Л. Йованович, а с 1922 г. этот пост занял профессор Белградского университета А. Белич, имевший обширные связи в российской академической среде. Основная задача Державной комиссии состояла в установлении общих правил пользования денежными ссудами и распределении между колониями и отдельными лицами всей денежной помощи, получаемой от правительства Королевства СХС. Так, по сведениям Державной комиссии, правительством в 1920 г. на эти цели было ассигновано 22244800, 1921 г. – 81669248, 1922 г. – 76990888, 1923 г. – 65451329 динаров.[11] Значительную роль в жизни российских эмигрантов в ряде стран, в том числе и в Королевстве СХС, играл Земгор – сокращенное название объединенного Главного комитета по снабжению армии всероссийского земского и городского союзов, созданного в 1915 г. в условиях острого кризиса боевого снабжения русской армии. Земгор был членом Консультативного комитета по делам русских беженцев Верховного комиссара Лиги наций.[12] Активная деятельность Земгора в Королевстве СХС началась в 1924 г., когда из Праги в Белград прибыл Ф.Е. Махин, ставший во главе этой организации.[13]

Российские беженцы по разным причинам прибыли в Королевство СХС: многие из них практически не имели другого выбора, часть надеялась на славянское единство и радушную встречу,

---

8 Йованович М., *Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940*, Москва, 2006, стр. 290.

9 Козлитин В. Д., „Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев...“, стр. 8.

10 Тесемников В. А., „Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.)“, *Вопросы истории,* № 10, 1988, стр. 131.

11 Козлитин В. Д., „Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев...“, стр. 13–14.

12 *Руски архив*, № 34–35, Белград, 1928, 3-я страница обложки.

13 Тесемников В. А., „Югославская одиссея Федора Махина“ *Родина*, № 8, 2007, стр. 93–97.

другие были привлечены возможностью относительно легкого трудоустройства. Однако большинство из них были совершенно незнакомы с балканскими реалиями. Все знали о той роли, которую сыграла Россия в судьбе братской православной Сербии во время первой мировой войны, но не представляли себе новое славянское государство, образованное по ее итогам 1 декабря 1918 г. Как верно заметил П. Б. Струве, говоря о современном положении в Королевстве СХС «Русские, даже те, кто до опустошительной революции 1917-го и последующих годов и великого исхода национальной России знали славянство и практически сталкивались с ним, не могут не ощущать великих перемен в нем и с ним происшедших, не могут не видеть, что старые точки зрения и старые мерила неприменимы к этому новому огромному миру, еще неуравновешенному и находящемуся в процессе становления и образования, но исполненному живых сил, неясных, но великих возможностей и подчас даже глубоких противоречий».[14]

Вошедшие в состав новой страны области, население которых имело друг о друге слабое представление, различались как социальной структурой, так и уровнем развития. В них продолжало действовать шесть различных правовых систем. Экономические связи были крайне слабы, а транспортные инфраструктуры тяготели к прежним экономическим и политическим центрам. По этим причинам было чрезвычайно сложно создать условия для стабильного и успешного развития образованного наспех государства.[15] 28 июня 1921 г. была принята Видовданская конституция, приведшая к развитию внутриполитических противоречий. Югославянские народы, еще недавно вместе оказывавшие сопротивление Вене и Будапешту, теперь выступали друг против друга. Словенцы и хорваты боролись с Белградом, в действиях которого видели стремление к доминированию и эксплуатации. Сербы, со своей стороны, обвиняли приверженцев сохранения национальных традиций и автономии в сепаратизме и даже антигосударственной деятельности. Загребу и Любляне постоянно напоминали о больших жертвах, принесенных Сербией ради их освобождения.

К внутреннеполитической нестабильности (за первое десятилетие существования Королевства СХС сменилось 24 кабинета министров) добавился значительный и постоянный рост коммунистического движения в стране, который продолжался даже после запрета коммунистической партии правительственным манифестом

[14] Струве П. Б., *Дневник политика*, Москва, 2005, стр. 406.
[15] Чиркович С., *История сербов,* Москва, 2009, стр. 322.

от 28 декабря 1920 г. («Обзнана»). Несмотря на это, коммунисты организовали ряд демонстраций против прибытия российских беженцев. Иногда дело доходило и до физических расправ. Самый крупный инцидент произошел на территории современной Хорватии (Королевство СХС было унитарным государством). В декабре 1920 г. в городке Борово, местные коммунисты встретили на вокзале русских беженцев, направленных Державной комиссией, для размещения в городе и его окрестностях, разбросали их вещи и угрожали им смертью.[16]

Также прибывшие в Загреб кадеты Крымского корпуса были встречены коммунистической демонстрацией. М. Каратеев описывает это так: «Часов в десять утра прибыли в хорватскую столицу Загреб. Тут гостеприимные братья хорваты заблаговременно организовали нам «теплую встречу»: перрон был густо заполнен разношерстным сбродом, который, едва остановился наш поезд, принялся бесноваться вокруг него с дикой руганью и криками, из которых нам удалось понять лишь то, что мы проклятые белогвардейцы, всю жизнь пившие русскую народную кровь, а теперь приехавшие пить хорватскую. В двери наших теплушек было даже запущено несколько камней, а потому начальство не разрешило нам выходить из вагонов, и вместо предполагавшегося тут завтрака мы потуже подтянули пояса и поехали дальше».[17]

Об этом же пишет Г. Алексеев в своем отчете Палеологу: «Они не знают русских и в низах, модно-коммунистических, не сочувствуют нам не только как иностранцам, но еще как контрреволюционерам».[18] Все эти факты свидетельствуют главным образом о революционных коммунистических настроениях, будораживших сознание югославского общества. Вызваны они были не только внутренними причинами, но и тем обстоятельством, что многие хорваты и словенцы, воевавшие в войсках Австро-Венгрии, оказались в плену в России, где подверглись коммунистической пропаганде. Правительство Королевства СХС понимало опасность этого явления и создало несколько фильтрационных лагерей для возвращающихся военнопленных.[19]

Несмотря на самые строгие меры правительства по запрещению и прекращению коммунистической пропаганды, влияние

---

16 Йованович М., *Русская эмиграция на Балканах в 1920–1940,* Москва, 2005, стр. 77.

17 Каратеев М., *Белогвардейцы на Балканах*, Буэнос-Айрес, 1977, стр. 45.

18 Квакин А. В., „Путевые заметки литератора Глеба Алексеева. Октябрь–ноябрь 1920 г.“, *Исторический архив*, № 5, 2001, стр. 23.

19 Подробнее см.: Милорадовић Г., *Карантин за идеје,* Београд, 2004.

КПЮ оставалось значительным. Так, 25 марта 1925 г. министерство внутренних дел в своем письме представило министерству просвещения от 25 марта 1925 г. список 192 членов Коммунистической партии Югославии, являющихся студентами Белградского университета.[20] Со временем прокоммунистические воззрения среди студенчества лишь росли.

Показательным для понимания настроений, которые господствовали в среде молодой югославской интеллигенции, был инцидент с П. Б. Струве: «Друзья П. Б. Струве, принимая во внимание его материальную стесненность в средствах к существованию, решили ему помочь, проведя в университете его избрание на кафедру «социологии». В начале апреля была назначена его торжественная вступительная лекция. Часть русской молодежи, потерпевшая поражение на собрании в Русском доме 5-го марта, подготовила обструкцию. Это движение было подхвачено сербскими коммунистами, имеющими достаточное количество приверженцев в местных студенческих кругах, и П. Б. Струве своей вступительной речи не только не мог прочесть, но даже не мог начать ее. Аудитория при первых словах представляющего его профессора-серба завопила, засвистала, потушила свет и в темноте бросала гнилые яйца. Раздавались выкрики «долой ренегата», «вон», «живела Советская Россия» и т.п. П. Б. Струве сохранил замечательное спокойствие и, тщетно прождав минут 10, все же должен был со всеми присутствующими профессорами покинуть зал. Недели две спустя была назначена новая лекция, без торжественности, но опять стало известно о готовящихся беспорядках, и лекция была заранее отменена».[21]

Сербская молодежь в 20–30-е гг. XX в. стала все больше обращать свои взоры к СССР. О тяге сербской молодежи к коммунистическим идеям свидетельствует ряд воспоминаний русских эмигрантов: «Сербы, конечно, были в восторге во время просмотра русских пьес. Стоит отметить и то, что в это время в Белграде не существовало здания театра и «позориште» только строилось. Овациям конца не было. Но им больше всего понравилось «На дне». Тут зарождается новая, молодая интеллигенция. Пути ее развития во многом напоминают наши. Но мы уже старики по сравнению с сербами. Кто из нас не увлекался в свое время босяцкой философией героев Горького? Мы теперь знаем цену этой философии, но

[20] Станковић Ђ., *Студенти и универзитет. 1914–1954,* Београд, 2000, стр. 50.

[21] *Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940,* Т. 1, Москва, 1998, стр. 73–75.

сербы еще не искушены. Попутно хочется отметить, что по той же причине (новизна, радикализм) здесь среди молодежи пользуются успехом уже изжитое нами декадентство и – увы, не до конца изжитый еще и Россией – коммунизм. Конечно, те, кто увлекается российским коммунизмом, и понятия не имеют, что творит он в России. Рассказам эмигрантов («контрреволюционеров») не верят...».[22] По взаимоотношениям сербской и русской интеллигенции можно понять, что являлось причиной столь серьезных расхождений во взглядах и идеях. Как писал Никола Пашич: «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы…»[23] Именно в этом и кроются основные противоречия: сербское общество встало на путь модернизации, для него уже не были столь актуальны традиционные представления «о майке Русии». В Югославии, как и Европе в этот период также были весьма сильны коммунистические идеи, и сербская интеллигенция также оказалась восприимчивой к ним. Российские эмигранты видели, к чему приводят подобные идеи: они потеряли из-за них абсолютно все, пережили революцию, ужасы Гражданской войны и изгнания. В дальнейшем эта разница в отношении к коммунизму между русскими эмигрантами и сербским населением достигло драматических размеров и в ходе Второй мировой войне привела к трагическим для эмигрантов последствиям.[24]

Но если говорить о простом народе и правительстве Королевства СХС, то первая волна российских эмигрантов в Королевство СХС была встречена ими гостеприимно, как со стороны простого народа, так и со стороны правительства Королевства СХС. Российским эмигрантам были созданы все условия для беспрепятственного въезда в страну,[25] предоставлены различные привилегии при устройстве на работу, а также выплачены достаточно крупные денежные пособия.

Но после первой и второй волны эмиграции положение русских изгнанников ухудшилось, как в экономическом, так и бы-

---

[22] Бобровский П. С., „Крымская эвакуация (Неоконченный дневник)", *На чужой стороне,* Кн. XI, XII, Прага, Берлин, 1925, стр. 37.

[23] Цит. по: Шемякин А. Л., „Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в.", *Человек на Балканах и процессы модернизации: Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX в. – первая половина XX в.),* Санкт-Петербург, 2004, стр. 12.

[24] Подробнее см.: Тимофеев А. Ю., *Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945,* Москва, 2010, стр. 11–94.

[25] Подробнее об этом см.: Бочарова З. С., *„...Не принявший иного подданства". Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы,* Санкт-Петербург, 2005.

товом плане. Как писал один из эмигрантов, Н. Зернов, прибывший вместе с семьей в Королевство СХС в октябре 1921 г., «идиллия продолжалась недолго. Вновь прибывшие уже не могли рассчитывать на подобную помощь. На визах, полученных нами, было указано, что мы не имели права на государственное пособие».[26] Причина изменения положения российских беженцев была в том, что Королевству СХС было трудно справиться с таким наплывом людей, поскольку их общее количество в разы превышало запланированные цифры. Экономическое положение недавно созданного Королевства СХС было тяжелым и нестабильным, поэтому в широких кругах сербского общества стали серьезно задумываться над судьбой российских эмигрантов: хотя это были гости и братья, но все же нежданные.

Особенно странным казалось сербам то, что ранее богатые русские люди – теперь оказались в большой нужде, что было весьма заметно на бытовом уровне. Н.Зернов вспоминал: «Встретил нас Белград лучше, чем мы ожидали, но наши ожидания мытарств, к сожалению, все же оправдались … Долгие часы ожиданий, неисполненные обещания, грубость мелких чиновников, невнимание начальства. Всюду нас встречали препятствия».[27] Вызвано это было отчасти тем, что весной и летом 1920 г. участились случаи нарушения общественного порядка со стороны беженцев. Это вызывало недовольство как местных властей, так и части общественности, что вынудило правительство ввести для российских граждан некоторые ограничения свободного передвижения по стране и выбора места жительства.[28] Последние меры были связаны во многом с тем, что большинство беженцев по тем или иным причинам стремилось в Белград. В этой связи интересно обратиться к серии статей в февральских номерах «Политики» за 1920 г. под названием «Дайте Белграду квартиры», в которой описывается плачевное состояния с жильем в столице Королевства СХС, поскольку после Первой мировой войны количество населения резко увеличилось, а новые дома не строились[29]. В этой обстановке было просто невозможно разместить в столице такое количество беженцев, так что ограничение свободы передвижения русских эмигрантов во многом была вынужденной мерой.

---

[26] Зернов Н. М., *Хроника семьи Зерновых: За рубежом (Белград–Париж–Оксфорд, 1921–1972),* Париж, 1973. стр. 14.

[27] Там же, стр. 15.

[28] „Неизвестные будни русских эмигрантов", *Независимая газета,* 29. 04. 2001.

[29] *Политика*, 10. 02. 1920.

Экономическое положение российских эмигрантов в Королевстве СХС не было блестящим, но и плохим его назвать нельзя. Те, кто окончил югославянские высшие или средние технические школы, получали места по своей специальности, но преимущественно в провинции. Почти никто из эмигрантов с высшим образованием не занимался физическим трудом. В основном их принимали на работу в различные государственные учреждения на должности невысокого ранга и почти всегда с уменьшенным по сравнению с местным населением окладом. Отчасти это было связано и с тем, что русские принципиально не стремились к получению югославского гражданства, т.к. в 20-х гг. в среде российских эмигрантов все еще жила надежда на скорое возвращение на родину.

Однако, в 30–е гг. ситуация претерпела значительные изменения. Когда российские эмигранты поняли, что надеяться не на что, и решили стремиться получить югославское подданство, дающее полностью равные права и возможности, им чиновники стали чинить всяческие препятствия, граничащие с дискриминацией. Показательно следующее свидетельство: «Министерство внутренних дел, за весьма редкими исключениями, отказывается принимать эмигрантов в югославское подданство, что лишает их права искать заработок даже на иностранных предприятиях, которым предлагается оказывать строгое предпочтение национальным рабочим. Уже сейчас имеются весьма тяжелые случаи, например, отказ принимать на работу только потому, что они русские».[30] Более охотно русских принимали на работу в различные частные учреждения промышленного и коммерческого характера. Особенно ценили русских, владевших иностранными языками, в различных предприятиях и фирмах иностранцы: французы, немцы, англичане и американцы.

Но все это было относительными трудностями, гораздо более сложно и трудно складывались взаимоотношения представителей двух братских народов при непосредственном и каждодневном контакте. «Волею злой судьбы сошлись братья, которые с удивлением стали рассматривать друг друга – и вскоре начали критиковать; потом критика перешла во взаимное раздражение», – писал В. А. Маевский.[31]

К тому же эмигрантов было много, и не было известно на какой срок они прибыли. По существу же – в бытовом и моральном

[30] *Чему свидетели мы были,* Т. 1, стр. 410.

[31] Маевский В. А., *Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии*, Т. 2. Нью-Йорк, 1966, стр. 13.

смысле – между сербским обществом и российской эмиграцией оказалось мало точек соприкосновения, поскольку сербы среднего и молодого поколения не знали русских и не интересовались ими, а русские не знали сербов. Зачастую их стереотипное представление друг о друге не соответствовало реальности, что приводило к самым разным последствиям.

Все эти, на первый взгляд мелочи, создавали определенные сложности для адаптации российских эмигрантов. Сохраняя объективность, следует признать, что российские эмигранты нередко сами давали для этого повод. Причиной этого был и русский характер: насмешливый и несдержанный, наблюдательный и склонный к скорым выводам русский ум. Белград и вся Сербия, в сущности, были тогда по своему характеру глубоко провинциальны,[32] что зачастую вызывало критику российской интеллигенции, помнившей роскошь Санкт-Петербурга и Москвы и видящей провинциальный Белград того времени. Н. Зернов вспоминал: «Первым впечатлением было отличие Белграда от только что покинутого Царьграда. Вместо кривых и узких улиц с их шумной, яркой толпой, вместо пронзительных криков торговцев и беспрерывных гудков автомобилей, вместо суеты и хаоса Востока, мы очутились в тихом, провинциальном городе, чем-то напоминавшем южную Россию. Движения было мало, улицы были широкие, застроенные одноэтажными или двухэтажными домами. Никто никуда не спешил».[33] П. С. Бобровский довольно резко и высокомерно писал о Белграде того времени: «Белград — большая деревня. В 11-12 часов ночи все спит даже на центральных улицах».[34] Горечь утраты родины затуманивала эмигрантам зрение. Их критика часто была необоснованной и неосторожной, в ней сквозило имперское высокомерие. Осознание того, что эта «большая деревня» теперь стала их единственным домом на неопределенное время, а может и навсегда, еще не пришло, поскольку надежды на скорое возвращение в Россию были еще сильны. Кстати, схожие чувства испытывали и политики из бывшей Австро-Венгрии, прибывшие в Белград, который стал столицей Королевства СХС,[35] а это глубоко оскорбляло сербов, которые старались сделать Белград европейским городом за счет репараций.

Некоторые из направленных на это проектов впоследствии были осуществлены русскими архитекторами: Григорием Самой-

[32] Шемякин А. Л., „Традиционное общество и вызовы модернизации...“, стр. 24.
[33] Зернов Н. М., Указ. соч., стр.14.
[34] Бобровский П. С., Указ. соч., стр. 36.
[35] Екмечић М., *Стварање Југославије. 1790–1918,* Т. 2, Београд, 1989, стр. 69.

ловым,[36] Николаем Красновым, Павлом Кратом, Иваном Рыком и многими другими.[37] Правительство желало создать иной, абсолютно европейский город, который в полной мере соответствовал бы новой роли Королевства СХС в Европе и мире. В связи с послевоенным устройством возник вопрос о создании общего плана того Белграда, который заменил бы собою старый полутурецкий городок и отвечал значению столицы вновь созданного Королевства сербов, хорватов и словенцев. Русский инженер-архитектор Г. П. Ковалевский создал план реставрации древней крепости Калемегдана и общий план регуляции Белграда, который так и не был принят. Обращались югославы к немцам, и пытались собственными силами создать что-то свое, отличное от русского и немецкого проектов. Время прошло, и до 1941 г. ничего цельного так и не было создано. Принять же за основу какой-либо русский проект мешала ложно понятая национальная гордость.

Тем не менее, совсем неожиданно для жителей Королевства СХС, Белград оказался одним из центров русской культурной жизни. В Загребе и Любляне существовали гораздо меньшие русские общины, поэтому контраст был очевиден. Жители Королевства СХС могли увидеть весь цвет зарубежной русской культуры своего времени: приезжали знаменитые русские писатели, артисты с мировым именем, художники, журналисты, известные политические деятели. В страну прибыло также многочисленное русское духовенство во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким). Все это было ново и, в общем, интересно для югославов, но только в первое время.

В целом же в югославском обществе господствовало сложное чувство, состоящее из смеси жалости, зависти и даже вражды к эмигрантам. Г. В. Алексеев по поводу последнего писал следующее: «Объясняется эта вражда, конечно, многими причинами: и политическими (сильная Россия будущего и Югославия?) и экономическими (размен русских монет порождает монополии) и др. Но было бы несправедливо из длинного ряда причин выбросить еще одну, в которой, однако – спешу оговориться: на мой личный взгляд, и зарыта собака; они, югославы, не могут не чувствовать все величие и превосходство русской культуры перед теми формами внешней, надуманной культуры Запада, нанесенной сюда ветрами

[36] Милованович М., „Архитектор Григорий Самойлов", *Русская эмиграция в Югославии*, Москва, 1996, стр. 279–285.

[37] Кадиевич А., „Выставка русских архитекторов в Белграде между двумя мировыми войнами", *Русская эмиграция в Югославии*, Москва, 1996, стр. 270–278.

из Германии и Венгрии. Не потому ли многие мечтают уехать в Россию, а молодые люди стремятся сближаться и вступать в браки с русскими «девойками», духовное содержание которых не исчерпывается тремя понятиями: «радить, ручать и спавать», как у типичной югославской женщины? И не в этом ли причины отчужденности местной интеллигенции, т.к. даже ободранные, принужденные и изнемогавшие в неравной политической борьбе с красным зверем, мы духовно все же сильнее их?»[38]

Как было точно подмечено в одной из публикаций в «Новом времени», «немало сделала для этого и сама неудачная русская политика, неровная, неосведомленная, мало национальная…За эти сто лет в сербской политике были разные настроения по отношению к России. Отдельные русские могут, по тем или иным причинам чувствовать себя отчужденно или неудовлетворенно в Сербии. Неизбежны известные трения между людьми, столкновения интересов и самолюбий, иногда взаимное непонимание; но все это не изменяет существа дела: когда русские беженцы вернутся домой, для них имя Сербии не будет уже пустым звуком, как раньше для многих русских людей».[39]

Другая особенность данного исторического периода состояла в том, что сербы встретили конец Первой мировой войны победителями, в отличие от российских эмигрантов, родина которых перестала существовать после войны, что также накладывало определенный отпечаток на взаимоотношения двух народов.

Если настроения российских эмигрантов, потерявших абсолютно все – и родину, и близких, и работу, – было крайне подавленным, то настроения, господствовавшие в сербском обществе, были радужными и светлыми. Появление нуждающихся российских беженцев как-то сразу испортило идиллию победы. Н. М. Зернов писал: «Сербы были упоены своей победой, сделавшей их маленькое королевство государством, с которым считались великие державы. Мы пришли из иного мира, потрясенного большевизмом, и сознавали его угрозу для Балкан, не умеющих найти свое единство. Мы пытались иногда делиться нашим опытом с сербами. Они не верили нашим рассказам и смотрели на нас как на неудачников, желающих поучать своих счастливых хозяев».[40]

---

[38] Цит. по: Квакин А. В., Указ. соч., стр. 25.

[39] *Новое время,* № 13, Белград, 1921, 10 мая.

[40] Зернов Н. М., Указ. соч., стр. 117.

Присутствие в стране многочисленных русских, среди которых преобладали военные, невольно напоминало сербам и хорватам ту значительную роль России для их судеб в первой мировой войне.

Получив в 1919 г. огромное богатство (увеличение территории государства в три раза), только немногие из сербов понимали, что без национальной русской, а не советской России, им будет очень сложно в послевоенном мире. Среди сербов было непринято задумываться о русских делах, в надежде, что все как-то обойдется. К тому же они были поглощены налаживанием новой государственной машины, решением аграрного и рабочего вопроса, национальных проблем. Вот как характеризует изменившееся положение сербов Сима Чиркович: «В областях, объединившихся с Сербией в 1918 г., положение сербов принципиально изменилось. Из притесняемого меньшинства они превратились в правящую нацию. Сербы, поддерживавшие проводимый Белградом курс, идентифицировали себя с общим государством, династией и победоносной армией. Они тяготели к центру государства, связь с которым стала важнее отношений с окружением – с теми, кто жил рядом, с кем объединяли материальные интересы».[41]

Особый интерес представляют дневниковые записки П. С. Бобровского, которые наиболее ярко характеризуют данный период: «Притерпелся я к чувству национального позора. И это хорошо. Иначе было бы невозможно жить, ибо на каждом шагу оно бьет по нервам. Я в столице страны, которую без всяких кавычек можно назвать победительницей. Я среди народа, который все поставил на карту в борьбе, потерял даже территорию – и, в конце концов, победил. И не только победил, но и увеличил свое национальное государство во много раз. Я вижу в лицах, в голосах сербов отпечаток заслуженной гордости. И вот среди них мы, русские, еще недавно сыновья огромной и могущественной России, их защитницы, а теперь – оборванные, жалкие нищие. Я ненавижу свой жалкий костюм, по которому всякий серб без ошибки узнает во мне русского «избеглица». Жаловаться на отношение сербов к нам мы не можем. Но ведь это отношение богатого родственника к бедному. И потом это бесправие. Я приехал сюда с разрешения црквеницких (Бела Црква – В. П.) властей. Но для жизни тут оно не действительно. Я должен выхлопотать «дозволу» на право жизни в Белграде. Это нужно только для русских. А «дозволы» получить я не могу, ибо нет у меня в Белграде никакого дела. Приходится

[41] Чиркович С., Указ. соч., стр. 329.

жить нелегально. В любой момент меня может остановить на улице полиция и спросить «дозволу». А в общежитии, куда придется переехать, бывают ночные обходы. Вот уж именно не имеешь места, где бы голову приклонить...».[42]

Самое интересное заключается в том, что эти правила и запреты были направлены главным образом против местных коммунистов, но коснулись и российской эмиграции, которая в своем большинстве была настроена крайне негативно по отношению к большевикам. Одной из этих мер было взятие на учет в январе 1921 г. по указу министра внутренних дел всех русских беженцев, проведение их обязательной регистрации у местных властей и запрет на передвижение по стране без особого разрешения и затруднение процедуры поселения в крупных городах. Именно это и описывает П. С. Бобровский, испытавший все эти меры на собственном опыте.

Особенно вопиющий факт применения такого распоряжения описан на страницах журнала «Русь». В статье говорится о том, что русский наборщик был задержан недалеко от Белграда полицией, т.к. на руках у него оказалось разрешение, написанное не его рукой, а от его имени, и высажен из поезда, несмотря на то, что оно было заверено официальным лицом. «Как русские могут иметь в Сербии какое-либо дело и заработок в этих условиях? Неудачное распоряжение отдает всех русских во власть самой низшей полиции. Их задерживают, выбрасывают из поездов, уничтожают их заработок. Сербы, с какой другой национальностью у вас делается нечто подобное? Турки, болгары всем принесли много зла, но они свободны от таких притеснений, – какое зло вам сделали русские?».[43] В этих строках отчетливо сквозит то чувство обиды, которое было нанесено именно российским эмигрантам.

Вышеперечисленные факты в большой степени относятся к сербам, но был ряд столкновений, произошедших между русскими и хорватами. Так, в 1928 г., во время пребывания группы казаков в Загребе дело дошло до антирусских демонстраций и серьезного инцидента: «Демонстранты орали: «Вон русская банда», «Вы нас уничтожили на фронте», «Ваши штаны красны от нашей крови». Во время этой демонстрации даже было ранено трое казаков.[44]

---

[42] Бобровский П. С., Указ. соч., стр. 34.
[43] *Русь,* № 5, Белград, 1921, стр. 3.
[44] Йованович М., *Русская эмиграция на Балканах…,* стр. 206.

Одним из факторов, приводившим к противоречиям между российскими эмигрантами и местным населением в Королевстве СХС, было различие нравов и привычек. Русским многое казалось странным и вызывало у них улыбку. Сербы, в свою очередь, тоже многого в поведении русских не понимали. Следует признать, что российские эмигранты часто просто не обращали внимание на местные особенности и привычки. Из-за внешней схожести многих обычаев и привычек у них рождалось чувство свободы и легкости, которое зачастую было ложным, поскольку русская и сербская культуры различались и имели разную историю. Трудности усугубляли представители российской аристократии, которые, несмотря на свое бедственное положение, весьма пренебрежительно относились к провинциализму Королевства СХС. К тому же, ошеломленные произошедшей с ними катастрофой, – князья, графы, – излишне красочно рассказывали о своем богатом и роскошном житье на родине, давая иногда довольно неделикатно понять, что делают большое одолжение сербам, пребывая в их более чем скромной стране. Сербы это замечали, завидовали, злились или подсмеивались над русскими, сочиняя остроумные анекдоты о них. Кроме того, сербы с улыбкой относились к русской манере ухаживания за женщинами (обычай целовать руку и т.д.). Кроме таких безобидных недоразумений были примеры и другого рода. Например, у сербов был узаконен конкубинат – так называемые невенчанные браки, т.е. правовой институт. Русские стали им подражать, и когда, при организации белогвардейского Русского корпуса в 1941 г. жены чинов стали получать различные пособия, то наряду с ними на них стали претендовать т.н. невенчанные жены русских, по преимуществу сербки.

В сербском обществе сложился стереотип, что все русские – пьяницы, и даже появилась поговорка «пьян, как русский». В.А. Маевский так описывал причины формирования этого мнения: «Сербы весьма привычные к разновидностям алкоголя, и в каждом крестьянском хозяйстве приготовляется без патента водка из винограда или различных фруктов, – так называемая «ракия». И сербы пьют ее во всякое время дня, притом без закуски. О вине уже говорить не приходится: даже на полевых работах оно заменяет воду. Так вот русские тоже пошли по этому увлекательному пути – и для многих он оказался гибельным. Тем более, что все местные спиртные напитки были чрезвычайно дешевы и каждому доступны. А сербы в силу этого признали всех русских пьяницами».[45]

[45] Маевский В. А., Указ. соч., стр.70.

Следует признать, что поведение российских эмигрантов часто шокировало местных жителей, сотрясало патриархальные устои общества, которое, несмотря на стремление во всем подражать Западу, все еще оставалось крайне консервативным. Именно с патриархальной моралью в Сербии связано, то удивление, с которым общество приняло даже русский балет в Белграде.[46] А вольные нравы эмигрантов поражали и даже пугали. М. Йованович приводит такой пример: «В мае 1921 г. в Политическое управление в Герцег-Нови стали поступать жалобы от местных жителей, которые заметили, «что русские беженцы купаются абсолютно голые» и требовали от городских властей, по причине «явного соблазна», запретить купание без купальных костюмов».[47] Другой забавный случай имел место в Дубровнике, где русские купались и загорали в первый день нового 1921 г., что было удивительно для местного населения, считавшего погоду слишком холодной для купания.[48]

Подобные нелепые и безобидные причины привели к тому, что против эмигрантов была развернута целая кампания в югославской прессе. Жизнь российского эмигранта стала предметом ядовитых насмешек, появились неостроумные, но злые и обидные фельетоны под названием «Сережа и Ниночка», в которых русского мужчину выставляли идиотом, а русскую женщину – падшей. «Ниночка» и «Сережа» стали собирательными именами для всех русских эмигрантов.[49] Эти фельетоны в 1936–1937 гг. выходили в эфир сербского государственного радио. Кроме того, по радио часто повторялось, что русские позанимали места в министерствах и сидят паразитами на шее сербов. В. А. Маевский полагает, что травля российской эмиграции была выгодна для просоветских элементов, которые принимали в этом деятельное участие. «Местная печать, в силу своих внутриполитических соображений, коммунистическая, занималась одно время подтравливанием ничего не делающих русских», – об этом также писал Г. Алексеев.[50]

Наряду с военными и интеллигенцией в эмиграции оказалось множество людей, чье поведение действительно порочило русское имя. Порой аморальные и хулиганские поступки эмигрантов были порождены крайней нищетой и отчаянием. Ощу-

---

[46] Павлович М., „Становление оперы и балета в белградском Народном театре и русские артисты", *Русские в Югославии,* Москва, 1996, стр. 293–312.

[47] Йованович М., „Как братья с братьями: Русские беженцы на сербской земле", *Родина.* № 3, 2001, стр. 145.

[48] Там же, стр. 145.

[49] Маевский В. А., Указ. соч., стр. 70.

[50] Квакин А. В., Указ. соч., стр. 26.

щение вседозволенности из-за того, что терять больше было нечего, породило ряд поступков хулиганского характера, не способствовавших установлению добрых отношений с местным населением. «Открытие лото, пьяные дебоши, занятие мелкой спекуляцией, неплатеж в гостиницах и ресторанах…»,[51] – все это были неприглядные, но закономерные стороны жизни эмиграции. Как с горечью замечал В. А. Маевский, «за 7-8 месяцев этой бесстыдной травли никто не нашел нужным протестовать и прекратить подобное издевательство и вступиться за русское имя – никто, ни в сербском, ни в русском обществе»[52]. Несмотря на то, что у русских долгое время в Королевстве СХС было множество различных обществ и комиссий. Только 12 февраля 1937 г. бывший заместитель председателя Белградской общины, популярный в среде российских эмигрантов Добра Богданович, Никола Богданович, сербский полковник Светислав Тасовац и русский генерал М. Ф. Скородумов посетили директора «Радио А. Д.» генерала Калафатовича, чтобы от имени сербов и русских выразить протест в связи с радиопередачами, порочившими русское имя. Ими было заявлено следующее: «На всем свете нет ни одного радио, которое бы так возмутительно дискредитировало русскую эмиграцию, кроме Белграда и Москвы. Мы, сербы, в своем же доме позволяем себе оскорблять русских, – тех русских, которые в Первую мировую войну защищали Белград и погибли на Салоникском фронте. Не говоря уже о мертвых, просто недостойно для сербов оскорблять тех братьев русских, которые теперь в беде, потеряв свою родину, мучаются и страдают по всему свету.. Есть две нации без отечества: это русские и евреи. Однако, почему-то нападают только на русских».[53]

Генералу Калафатовичу официально сообщили, что эту передачу на радио делают сербские журналисты и обещали ее прекратить. Действительно, 17 февраля в обычный час по радио было сообщено, что, по жалобе российских эмигрантов издевательская трансляция о них запрещена. Так, на время, закончилась эта травля беззащитных российских эмигрантов со стороны сербских журналистов в столице Югославии.

Не только радио, но и сербская пресса, в то время главный инструмент формирования общественного мнения, не упускала случая выступить против эмигрантов. Причем статьи негативного содержания появлялись не только в газетах – «Политика», «Время»,

[51] Там же, стр. 27.
[52] Маевский В. А., Указ. соч., стр. 7.
[53] Там же, стр. 72.

«Правда». Так директор еженедельника «Югословенская политика»[54] Душан Павичевич регулярно помещал в своей газете пасквили на российских эмигрантов. Например, в № 12 и 13 этой газеты за 25 июня и 2 июля 1932 г. появились статьи «Руси нас даве» («Русские нас притесняют») и «Руси су побеснили» («Русские взбесились»), в которых Д. Павичевич открыто натравливал сербов на русских, голословно называя последних «наемниками неприятелей», при этом ни единым фактом не подтверждая свои обвинения.

На самом же деле, положение большинства русских эмигрантов в Югославии было далеко не таким, как об этом писал Павичевич. Многие российские студенты и профессора терпели большую нужду, из-за серьезных материальных затруднений были вынуждены переезжать в другие страны, которые предоставляли большие возможности для их занятий. Говоря о большом количестве российских чиновников и специалистов в министерствах и ведомствах, автор статей игнорировал тот факт, что русские получали гораздо меньшее жалование, чем даже их иностранные коллеги. Во многих случаях заработка хватало лишь на удовлетворение минимальных нужд.

Резиме

Др Владимир Путјатин

Прилагођавање руске емиграције приликама у Краљевини СХС

Кључне речи: *српско-руске везе, руска емиграција, културна политика, националне мањине у Краљевини СХС*

Процес прилагођавања руске емиграције на живот у Краљевини СХС представља битан део историје руско-српских односа. Године 1922, у Краљевини је било 42.500 руских избеглица. Улаз руских емиграната нису ограничавале квоте, визе, пасоши.

[54] *Југословенска политика,* 25 июня 1932, 2 июля 1932.

Адаптацију емиграната су помагале Делегација за заштиту интереса руских избеглица В. Н. Штрандтмана, Канцеларија владиног опуномоћеника за смештај руских избеглица у Краљевини СХС С. Н. Палеолога и Државна комисија за руске избеглице А. Белића. Адаптацију је успоравала слаба прилагођеност Руса на балканску свакодневницу. Економска ситуација новоформиране Краљевине СХС била је нестабилна, па се услед глобалне економске кризе, положај руских емиграната погоршао. Ипак, Београд и Нови Сад су били центру руске емиграције у Краљевини, док су мање дијаспоре постојале у Загребу и Љубљани. Поред поштене већине емиграната, у њиховим редовима било је и таквих људи чији су изгреди водили паду угледа свих избеглица. Појаве аморалног и недоличног понашања емиграната су додатно порасле услед сиромаштва и очаја. Локални медији, радио и штампа, ван Србије али и у њој, нису пропуштали прилику да истакну негативне појаве код емиграната. Унутарполитичка нестабилност Краљевине СХС је водила и јачању комунистичких идеја и симпатија према СССР-у, чији носиоци су били негативно расположени према емигрантима свесним репресивног карактера есктремне левице. Касније ће ова разлика у односу према комунистичкој идеологији између руских емиграната и српског становништва достићи драматичне размере током Другог светског рата.